

ФИЛОСОФИЯ

Г. Л. Тульчинский

Политический и политологический дискурсы этничности: конструктивизм vs реализм как современная фаза спора об универсалиях

УДК 303+008

Статья содержит рассмотрение возможностей применения дискурсивных практик в политике и политической науке. В первом случае речь идет о неких сущностях (этнотах, других группах), во втором случае – о концептуальных способах конструирования представлений об этих сущностях. Смешение двух дискурсов чревато серьезными проблемами. Фактически различия этих дискурсов выражают новую фазу старого философского спора об универсалиях.

Ключевые слова: дискурс политический, дискурс политологический, конструктивизм, национализм, реализм, универсалии, эссенциализм, этничность.

G.L. Tulchinskii. Political discourse and the discourse of political science about ethnicity: constructivism vs realism as contemporary phase of the dispute about universals

The article contains a review of the application possibilities of discursive practices in politics and political science. In the first case we are talking about certain entities (ethnic groups, other groups). In the second case it is a way of constructing conceptual representations of these entities. The discourses mix

leads to the serious problems. In fact, the differences between these discourses express a new phase of an old philosophical debate about universals.

Key words: *constructivism, the discourse of political science, essentialism, ethnicity, political discourse, nationalism, realism, universals.*

Традиционно в социальных науках ее предметная область понимается как определенные группы общества: нации, этносы, классы, гендерные группы и т.д. Они понимаются как объективно существующие, обладающие определенными свойствами самостоятельные сущности. В XX столетии такой подход получил название эссенциализма, или реализма.

На рубеже столетий этот подход подвергся радикальной критике, связанной с переносом акцента внимания с предмета описаний и утверждений о политической реальности на процедуры порождения этих описаний и утверждений. Так, с точки зрения Р. Брубейкера, слабость большей части современной политической теории заключается в том, что она основывается именно на упомянутой эссенциалистской репрезентации социального мира, которую он назвал группизмом. Слабость эта выражается уже в том, что группистская социальная онтология, лежащая в основе большей части современной политической теории, скрывает проблемность самой «групповости» и является барьером для других путей осмысления конкретных форм социальности.

Речь идет о так называемом когнитивном повороте в политических и социальных науках, являющемся в определенной степени развитием дискурсивного подхода, общего интереса к дискурсивным практикам, деконструкции, дающим возможность осмыслить социальные группы (этнос, расу, нацию, класс) не как реально существующие сущности, а как точки зрения на мир, способы мышления, структурирующие действительность.

За противостоянием овеществления (группизма, эссенциализма) и когнитивизма (конструктивизма, дискурсивного анализа) стоят две онтологические картины мира. В первом случае это представления в рамках картины мира как системы вещей, их свойств и отношений. Во втором – мир предстает как процессы, действия, в каком-то смысле – алгоритмы. В первом случае акцент делается на то, «что» познается и существует, во втором – на «как». Фактически это то же разли-

чие, что и между программами основания математики: на основе «наивной» теории множеств, строящейся на основе абстракции актуальной бесконечности, или на основе алгоритмов, рекурсивных функций, концептуально строящихся на основе абстракции потенциальной осуществимости. Аналогично и в логике – определение понятия может даваться или через род и видовые отличия, или «генетически» (конструктивно) через задание процедуры порождения данного объекта. Например, окружность можно определять и как геометрическое место точек, равноудаленных от точки, выступающей в качестве центра, а как замкнутую кривую, образуемую концом отрезка при вращении этого отрезка вокруг другого его конца.

По мнению Р. Брубейкера [2], этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему подталкивает образ неких конкретных «групп», – но в процессуальных, динамических, событийных терминах. Иными словами, речь должна идти не столько об этносах, классах, нациях, сколько об этнизации, расизации, классизации как практических категориях, ситуативных действиях, когнитивных схемах, дискурсивных фреймах, институциональных формах, политических проектах, событиях. При этом этнизация, расизация и национализация предстают как политические, социальные, культурные и психологические процессы, а базовой аналитической категорией становится не некая сущность типа «группы», а «групповость» – зависимая от контекста рассмотрения концептуальная переменная. Это может помочь определить, как и когда люди идентифицируют себя, воспринимают других и мир и истолковывают свои проблемы в расовых, этнических, национальных терминах, а не в каких-то других. Они могут помочь определить, как «групповость» «кристаллизуется» в одних ситуациях и остается латентной и всего лишь потенциальной в других.

Действительно, многие ключевые термины социальных и гуманитарных наук, например «раса», «нация», «этничность», «гражданство», «демократия», «класс», «сообщество» и «традиция», являются одновременно категориями социальной и политической практики и категориями социального и политического анализа. Категории практики суть категории повседневного социального опыта. Поэтому П. Бурдьё [3] называл их «народными», или «профанными», катего-

риями в отличие от категорий, которыми пользуются социальные аналитики. Употребление термина как категории практики само по себе, конечно, не делает его непригодным в качестве категории анализа. Проблема заключается в том, как используется конкретный термин: нередко происходит неконтролируемое смешение социального и социологического, «народного» и аналитического пониманий, когда такие понятия, как «нация», «раса» и «идентичность», употребляются в аналитических целях. При этом происходит скрытое или явное овеществление, предполагающее или утверждающее, будто «нации», «расы» и «идентичности» реально существуют, а люди «имеют» «национальность», «расу», «идентичность».

Между тем понимание реальности группы (например, нации) зависит не от ее существования, а от определенных когнитивно-дискурсивных практик, это существование выявляющих. Категоризация является фундаментальным психическим (ментальным) процессом. По утверждению выдающегося теоретика категоризации Д. Лаккоффа [7], не будь у нас способности к категоризации, мы не смогли бы действовать вообще ни в физическом мире, ни в нашей социальной и интеллектуальной жизни.

Категории структурируют и упорядочивают мир для нас. Мы используем категории для того, чтобы разбить поток опыта на различаемые и интерпретируемые объекты, свойства и события. Категории делают возможным, и даже предопределяют, серьезное когнитивное, социальное и политическое упрощение. Следуя принципу «когнитивной экономии», они доставляют максимума информации при наименьшем когнитивном усилии. Они позволяют нам видеть различные вещи и трактовать различные ситуации как одинаковые, проводить аналогии и отождествления. Они фокусируют наше внимание и направляют нашу ограниченную энергию, давая нам – индивидам, а также организациям – свободу оставлять без внимания «неуместные» стимулы. Тем самым они делают природный и социальный миры понятными, интерпретируемыми, сообщаемыми и трансформируемыми. Категории лежат в основании не только понимания и мышления, но и самых основных форм действия, включая и повседневное действие, и более сложные, институционализованные образцы действия.

В качестве таких образцов и средств выступают стереотипы, фреймы, схемы, сценарии как формы знания и одновременно ориентиры в реальном мире. Все они суть способы узнавания, идентификации и классификации других людей, ситуаций, понимания тождества и различия, «кодирования» и осмысления собственных действий. Они – шаблоны для репрезентации и организации социального знания, фреймы для артикулирования социальных сравнений и объяснений и фильтры, которые формируют то, что замечается или не замечается, уместно или неуместно, запоминается или забывается.

Еще Ф. Теннис [10], М. Вебер [5] писали об этничности, что общность, основанная на вере в общее происхождение, является как таковая всего лишь (мнимой) общностью (*die Gemeinsamkeit*), а не общиной (*die Gemeinschaft*), лишь фактором, облегчающим общее действие (*die Vergemeinschaftung*). Такой подход позволяет развести методы политического анализа и политические практики. Философы, аналитики предлагают метафоры, термины, категории, значениям которых через популяризацию, консультирование, публицистику, отчасти образование придается онтологический статус реально существующих предметов, явлений. Это овеществление играет важную роль в политической практике: утверждения метафор, категорий, классификаций, идей, оценок в публицистике, обыденной коммуникации, документах являются реальными и важными, особенно когда они встроены во властные решения, документы. Именно в овеществлении групп, в указании на них, в мобилизации их поддержки или противостоянии с ними и заключается роль политического лидера партии.

Но политическая аналитика должна объяснять, как, какими способами может работать и работает эта практика овеществления, кристаллизующая представления, намерения, эмоции людей. Иначе само познание попадает в ловушку им же самим созданных рамок. Так, насилие или преступность становятся «этническими» («расовыми», «националистическими») благодаря значениям, которые придают ему преступники, жертвы, политики, чиновники, журналисты, исследователи... Такие акты структурирования и дискурсивного (нарративного) кодирования не просто интерпретируют насилие – они утверждают, конституируют его в качестве этнического. Этикетирование, навешивание ярлыка может стать толчком к оценке события как «погрома»,

«бунта» или «восстания», что представляет собой не просто интерпретацию, но имеющий важные последствия акт. Поэтому в современной политике большую роль играют «информационные («смысловые») войны», другие коммуникативные технологии: пропаганда, PR и проч.

Некоторые драматичные события или специальные события (special events) могут оживить групповое чувство и повысить ранее существовавшую степень групповости. Иногда продуманное насилие, совершаемое ради провокации горсткой людей, оказывается иногда исключительно эффективной стратегией создания групп [2].

Например, когда малочисленная и плохо экипированная, разношерстная Армия освобождения Косово (АОК) усилила атаки на сербских полицейских и другие центры власти в начале 1998 г., это было тщательно продуманной – и оказавшейся успешной – стратегией провоцирования режима на масштабные ответные меры. Как и во многих подобных ситуациях, вся тяжесть репрессий обрушилась на гражданских лиц. Круговорот атак и контратак резко усилил групповость и среди косовских албанцев, и среди косовских сербов, что еще более укрепило поддержку АОК и в Косово, и среди диаспоры албанцев и способствовало лучшему комплектованию и финансированию АОК. Это позволило АОК бросить более серьезный вызов режиму, что, в свою очередь, породило более жестокие ответные меры и т.д.

В большей части современной Африки объяснение некоторых острых конфликтов строится именно в этнических терминах (Ангола, Сьерра-Леоне), а конфликт в южном Судане 1990-х гг., возникший из борьбы за экономические ресурсы и пространственных связей, только в его процессе был сведен к культурным и религиозным различиям между воюющими сторонами. Формирование и поляризация групп в этих ситуациях были результатом, а не причиной насилия. То же самое можно сказать о политической практике палестинских боевиков, отчасти – это практика любого радикализма и не только.

Очень часто национальные конфликты рассматриваются как битвы за сохранение и выражение идентичностей в противостоянии попыткам их уничтожить. Однако, например, советский режим, хотя и репрессивный во всех возможных отношениях, совсем не был антинациональным. Наоборот, режим сделал беспрецедентно

серьезные шаги «нациестроительства». Территория СССР была раскроена более чем на 50 национальных «родин», каждая из которых «принадлежала» конкретной этнонациональной группе. Режим наделял каждого гражданина этнической «национальностью», которая приписывалась ему при рождении на основании происхождения, регистрировалась в личных идентификационных документах, фиксировалась в бюрократических реестрах и использовалась в целях контроля над доступом к высшему образованию и рабочим местам. Тем самым режим не просто признавал или ратифицировал уже существующее положение дел, он вновь и вновь создавал национальную кодификацию личностей и территорий. В этом контексте трактовка национальной идентичности как возрождения, глубоко укорененной в докоммунистической истории конкретного региона и подавленной беспощадным антинациональным режимом, является либо анахронизмом, либо околонучным переложением националистической риторики.

Хотя в риторике участников и объяснениях здравого смысла этнические группы рассматриваются как действующие акторы этнического конфликта, фактически главными деятелями большинства этнических конфликтов (а тем более – этнического насилия) являются не этнические группы как таковые, а разного рода организации в широком смысле этого слова и их представители. В числе таких организаций – государства (или шире – автономные политические образования) и их организационные составляющие, такие как: отдельные министерства, канцелярии, агентства по обеспечению применения законов и части вооруженных сил; а также террористические группы, военизированные организации, вооруженные банды и свободно структурированные шайки; и политические партии, этнические ассоциации, организационные структуры общественных движений, церкви, газеты, радио и телевизионные станции и т.д. Некоторые организации могут репрезентировать себя или рассматриваться другими как организации конкретных групп или как представители их интересов, очень часто – с претензией на монопольное представительство.

К политическим практикам «групповости» относятся также вербовки, посвящения, инициации, чествования, посрамления, осмеяния, исключения, награды, вознаграждения, наказания... Немалую роль в формировании «групповости» играют школы – институт, формирую-

щий структуры возможностей и сети общения, воздействующий на модели дружбы (а в университете – и супружества), что делает мир группы в значительной мере самовоспроизводимым. Воспроизводство этого социального мира – внутренне взаимосвязанной совокупности общественных отношений, объединяющих школу, дружеские круги и семью, – не требует жестких националистических убеждений и групповой лояльности. Так, этнические сети могут воспроизводиться благодаря самой логике сетей общения и структур возможностей и вытекающей отсюда умеренно высокой степени этнической эндогамии.

Категоризация, категориально организованное знание здравого смысла формирует готовую рамку для восприятия различных образовательных и экономических возможностей как определяемых этнически (национально, классово). Соответственно эти различия они объясняют в терминах того, что им известно о зависимости между этничностью, национальностью, расой и иерархией должностей, возможностями, наймом, продвижением по службе и решениями об увольнении: по их мнению, такое знание дает основания для часто высказываемого суждения о соответствующей дискриминации. Эти и многие другие примеры показывают, что дело именно в способах видения и истолкования мира как на уровне здравого смысла, повседневного опыта, так и на уровне публичной и государственной политики.

Одним из следствий «когнитивного поворота» в социальных науках стал рост интереса к категоризации, классификации, типологизации, другим познавательным и герменевтическим практикам. Когнитивистский подход открыл дополнительные перспективы политических наук. Так, в рассмотрении политических конфликтов когнитивизм позволяет анализировать их конкретно и операционально. Обычно участники конфликтов представляют их как столкновения различных групп (классовых, этнических, расовых, национальных) как действующих акторов со своими интересами. Это позволяет надеяться рядом черт (корыстных, героических, мученических), представлять их в качестве извергов или спасителей рода человеческого... Но это не означает, что аналитики должны поступать так же. Такие представления, несомненно, можно и нужно учитывать хотя бы в качестве объектов исследования. Но представления о конфликтах на уровне обыденного сознания, политической публицистики, пропаганды и на

уровне социально-политического анализа все-таки различны. То, что представляется как этнический конфликт или этническая война (как, например, насилие в бывшей Югославии), может иметь отношение не только и не столько к этничности, сколько к военной диктатуре, незаконным доходам, бандитизму. Поэтому сосредоточение исследовательского внимания и политического вмешательства на процессах, в ходе которых развивается и кристаллизуется групповость, может вести к снижению уровня конфликта. Такой анализ может служить и обоснованием нейтрализации конфликта: если не подпитывать групповость на высоком уровне с помощью специальных социальных и когнитивных механизмов, то она будет снижаться в силу инерции повседневных забот.

Эмпирические исследования под влиянием понимания центральной роли категоризации и классификации образуют две широкие области. Во-первых, это исторические, политические и прочие исследования официальной, кодифицированной, формализованной практик категоризации, применяемых влиятельными институтами власти – прежде всего, государством. Их теоретическими источниками являются идеи М. Фуко [11] и особенно концепция символической власти П. Бурдьё [4], как власти устанавливать, что есть что и кто есть кто, и тем самым навязывать легитимные принципы понимания и разделения социального мира. Во-вторых, это этнографические и микроинтеракционистские исследования неофициальных, неформальных, «обыденных» практик классификации и категоризации, используемых обычными людьми.

Не менее плодотворным когнитивизм оказался и в трактовке понятия идентичности, связываемого с самоопределением личности, ее отнесением себя к некоей социальной общности. То, как человек идентифицирует себя – и как он идентифицируется другими, – может чрезвычайно различаться в зависимости от контекста; самоидентификации и идентификации другими являются в основе своей ситуативными и контекстуальными.

Так, в процессе протестного движения, особенно связанного с жесткими противостояниями власти, возникает сознание общности, в котором ведущую роль играет уже не общность интересов, а просто общее дело, самоотверженность, представление о чести. Примерно

так же формируется идентичность типа «военного братства». Людей сближают общие испытания, риск, взаимовыручка. Не исключено, что те же механизмы формируют и племенную, и клановую, а в конечном счете этнонациональную идентичность.

Не случайно в африканистике давно уже сложилось общее понимание, что этнические группы не существовали изначально, а стали продуктами истории, прежде всего – овеществления культурных различий через навязанные идентификации в период колониальных захватов. В доколониальную эпоху идентичность реализовывалась на основании принадлежности к роду, включающему потомков одного предка, которые учитываются по общественно принятой линии: по мужской, по женской или – реже – по двойной системе. Дети принадлежали к линии отцов, а отношения с родственниками матери хотя и не игнорировались, но не являлись частью системы происхождения. Не менее значимыми были торговые общности (в которых иногда вырабатывался смешанный язык, способствовавший общению между широким кругом «клиентов»), религиозные братства, общества посвящения, которым были неведомы языковые и культурные границы, поскольку они предлагают общую кодификацию социального опыта в рамках регионов для всего существующего в них культурного многообразия и политических различий. Собственно, этносы возникли только как результат кодификационной деятельности колонизаторов или противодействия им.

Идентичность как самопонимание и самоопределение непосредственно связана с позиционированием, самопрезентацией личности. Так или иначе, но в идентичности проявляется социальность личности, сознание этой социальности. Оно тесно связано самооценкой личности и может иметь двоякую природу: как чувство гордости своей принадлежности данной общности, так и как депривация типа чувства «подавленности национальностью» у немцев после Второй мировой войны или у участников конфликта в бывшей Югославии.

Но еще более значимо различие между самоидентификацией человека (его идентичностью) и его идентификацией и категоризацией другими людьми, особенно – формализованные, кодифицированные, объективированные системы категоризации, созданные мощными институтами власти, которая монополизирует не только физиче-

скую, но и символическую силу. Речь идет о силе именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто: присваивание индивиду определенных признаков через паспорт, отпечатки пальцев, фотографию, подпись и аккумуляцию таких идентифицирующих документов в государственных хранилищах; попытки современного государства охватить своих граждан классификационной сетью, идентифицировать и категоризировать людей в тендерном отношении, с точки зрения религии, рода деятельности, владения собственностью, этничности, грамотности, преступности, здоровья и психической нормальности. Переписи распределяют людей по этим категориям, а институты – от школ до тюрем – соответствующим образом отсортировывают индивидов. Согласно М. Фуко [11], эти индивидуализирующие и собирающие способы идентификации и классификации принадлежат к самой сердцевине управления в современном государстве.

Так, переписи населения внедряют мысль, что национальные общества суть ограниченные целые, состоящие из обособленных, взаимоисключающих этнических, расовых и культурных групп. Даже когда категории переписи изначально далеки от превалирующих самопониманий, они могут подхватываться, особенно когда они через государственную политику связаны с ощутимыми выгодами, могут приводить к «собираению народа» или «легитимации существования» новых типов личностей.

Переписи классифицируют людей анонимно и изменчиво; они не приписывают индивидов к категориям на постоянной основе и не наделяют конкретных людей устойчивыми, влекущими правовые последствия идентичностями. Однако другие формы государственной категоризации действуют как раз обратным образом, они навязывают людям этнические или расовые категории, вписывают их в документы и взваливают на эти официальные идентичности тяжесть последствий, иногда фатальных. Самые известные случаи – официальные схемы расовой классификации и идентификации, использовавшиеся в нацистской Германии и в Южной Африке. Официальные этнические идентичности, указанные в формальных удостоверениях личности, были использованы в процессах геноцида в Руанде. В Советском Союзе этническая национальность тоже была не только статистиче-

ской категорией, основополагающей единицей социальных подсчетов и отчетов, но и правовой категорией, которая вписывалась в личные документы, передавалась по наследству, фиксировалась при контактах с чиновничеством и в официальных операциях и использовалась в определенных контекстах как фактор регламентации доступа в высшие учебные заведения и допуска к определенным видам профессиональной деятельности.

Категории, используемые обычными людьми в обыденном взаимодействии, часто существенно отличаются от официальных категорий («черноногие» во Франции, «хачи» в нынешней России). Те, кто подвергается категоризации, сами постоянно следуют этому процессу, и критерии, используемые ими для осмысления себя и других, обязательно имеют что-то общее с категориями, используемыми государствами, какими бы могущественными они ни были.

В контексте сказанного сторонники когнитивистского подхода склонны употреблять вместо термина «идентичность» термины типа «чувство сопринадлежности», «сопричастности», «общности», «связности».

Так или иначе, но главное – социальность, социальная природа личности и социализация как практика: наделение компетентностью к социальной жизни и приобретение такой компетентности. Идентификация предстает с этой точки зрения отождествлением с этими практиками и способностями. А сама жизнь (жизнь и путь) – процессом таких освоений и применений. Политическая власть в этом процессе выполняет роль кодификации, контроля и возложения ответственности.

Когнитивный подход важен тем, что благодаря ему можно понять, как принципы понимания и разделения социального мира работают в нем, поскольку он показывает принцип их работы в обычных сознаниях и вроде бы незначительных повседневных практиках. Когнитивные установки обращаются к социальным и ментальным процессам, которые лежат в основании понимания и классификации социального мира в расовых, этнических или национальных терминах. Вместо того чтобы принимать «группы» за базовые единицы анализа, когнитивные точки зрения переносят внимание аналитиков на «создание групп» и «группирующие» деятельности, такие как классификация, категоризация и идентификация.

С другой стороны, когнитивизм в известной степени переносит дисциплинарное обоснование – как в плане предметной области, так и методологии – из сферы политологии и социальных наук в целом в психологию или, точнее, в современные когнитивные науки. Однако сам когнитивный поворот не связан с отчетливо когнитивными исследованиями в психологии и когнитивной антропологией, в большинстве случаев обсуждение категоризации и классификации лишено каких-либо явных отсылок к когнитивной деятельности.

Важным может быть уточнение, проводящее различие между когнитивным и дискурсивным подходами, сделанное Эдвардсом. Когнитивный подход рассматривает дискурс как осуществление основополагающих процессов и структур знания, а культуру как такую – своего рода социально-общей когнитивной организацией. Дискурсивный подход, напротив, трактует разговор и тексты как формы социального действия. Категоризация есть нечто, что мы делаем в разговоре, для того чтобы выполнить социальные действия (убеждение, неодобрение, отрицания, отказы, обвинения и т.д.). С этой точки зрения «ресурсы» языка не столько реализуют познавательные усилия понять и помыслить мир (как это имеет место в когнитивном подходе), сколько служат для выполнения их функций в разговоре и совершения ситуативных социальных действий.

В принципе традиционный и когнитивистский подходы не являются взаимоисключающими. Первый может способствовать разъяснению реальных или приписанных человеческих различий, а второй помогает объяснить, как эти различия приобретают значение и вес в конкретных контекстах. Они могут рассматриваться не как противоречащие друг другу, а как направленные большей частью на разные вопросы: один – на то, как мыслятся группы и создаются и поддерживаются «народные социологии», а другой – на функционирование групп в практических взаимодействиях. В этом случае даже примордиализм в понимании нации предстает достаточно когнитивистски – не натуралистическим анализом, а анализом натурализации: именно участники, а не аналитики являются настоящими примордиалистами, поскольку трактуют этничность как естественно данную и неизменную.

В определенном смысле различие когнитивизма и «группизма» может рассматриваться как одна из современных фаз фундаменталь-

ного философского спора об универсалиях, прошедшего через всю историю философии – статусе существования значений общих терминов (понятий). Еще на ранней стадии этого спора в Средние века сформировались две радикально отличные точки зрения. Первая, получившая название «реализма», восходит к Платону [8; 9], утверждавшему существование отдельного мира идей, которые представляют собой сущности вещей видимого мира. Поэтому такую позицию иногда еще называют платонизмом. Другая позиция – номинализм – отвергает существование некоего потустороннего мира, а общие понятия понимаются как некий технический прием использования имен для обозначения групп (множеств) вещей. Именно номиналистическая традиция породила ориентацию на опытное знание, поиск связей и отношений в мире физической реальности. Утилитаризм, аналитическая философия также принадлежат этой традиции. Достаточно очевидны и параллели реализма и номинализма в философских политических концепциях. Эти параллели представлены в табл. 1.

Таблица 1

Параллели «спора об универсалиях» в современной политической философии

<i>Спор об универсалиях</i>	<i>Универсализм (реализм, платонизм)</i>	<i>Номинализм</i>
<i>Картина мира</i>	Вещи, их свойства, отношения	Процессы, конкретные ситуации
<i>Структурирование социума</i>	Овеществление, группизм, эссенциализм	Дискурсивный подход, когнитивизм
<i>Понимание нации</i>	Примордиализм	Конструктивизм
<i>Базовая идеология</i>	Фундаментализм	Либерализм
<i>Точка отсчета в политическом</i>	Общее, «органическое» целое	Личность
<i>Базовая ценность</i>	Безопасность	Свобода
<i>Политический тренд</i>	Тенденция к тотальности	Тенденция к демократии

Справедливости ради следует заметить, что в философии была выработана и альтернатива противостоянию реализма и номинализма – концептуализм, впервые представленный П. Абеляром [1]. Согласно этой точке зрения, ключевую роль в формировании и использовании общих терминов играет мышление. Именно человеческое сознание, порождающее некие концепты, и дает возможность обобщения, классификации, анализа, выражению которых и служат общие термины.

И вот тут, похоже, выявляется главный методологический аспект проблемы. Стимулом развития всех научных теорий выступало обнаружение новой реальности, за которым стояли новые технические и технологические возможности.

Хорошо известна зависимость познания методов от используемых инструментов и аппаратуры, выраженная в соотношении неопределенностей Вернера Гейзенберга [6]: представление об элементарной частице – корпускула она или волна – зависит от используемых приборов и связанных с этими приборами теоретических конструктов. Другими словами, теоретическое знание о реальности – знание «что», то есть знание предмета – зависимо и производно от знания «как», знания методов и инструментов выделения, фиксации и описания этого предмета. Теория – рефлексия над реальностью, открывающейся с помощью техники.

В «нормальной» же политологии телега ставится впереди лошади. Даже обнаружив роль и значение дискурсивных практик, собственную зависимость от них, даже говоря о «прагматическом повороте», политическая наука оставляет этот «поворот» в рамках самих дискурсивных практик. А политологи снобистски поджимают губы, говоря о политических технологиях, в результате все более отдаляясь от изменяющейся и изменяемой политической реальности, становясь все менее понимаемыми и востребованными в этих технологиях и соответствующих реальных политических практиках.

1. Абеляр П. Теологические трактаты // Теологические трактаты / пер. с лат., вступ.статья, сост. С.С. Неретиной. М.: Прогресс; Гнозис, 1995.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Высшая школа экономики, 2012.

3. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007.
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
6. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: ИЛ, 1963.
7. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Платон. Гиппий // Платон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1968. Т.1. С. 149–186.
9. Платон. Тимей // Платон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 455–542.
10. Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem, 1999.

С. Н. Труфанов

История сознания и осознание истории

УДК 930.1

В статье рассматривается концепция всемирной истории Г.В.Ф. Гегеля. Показывается, что он объясняет историю человечества исходя из раскрытых им закономерностей развития сознания людей. На первой ступени предки человека осознавали себя лишь в объёме своего животного Эго: есть, пить, спариваться. На второй ступени они стали проявлять своё Я в его свободе от Эго. Для этого им пришлось образовать форму совместного неравного самосознания, которая привела к разделению людей на господ и рабов. На достигнутой к настоящему времени ступени всеобщего свободного равного самосознания каждый человек обретает способность проявлять себя (своё Я) в его свободе. Ту же самую последовательность ступеней самосознания проходит в процессе индивидуального развития каждый человек.